

СИНЦОВА Е. В. — ПЕШКОВА Е. П.

СИНЦОВА Елизавета Валерьяновна, родилась в 1867 в Архангельске, где и проживала. Служила учительницей в школе. Вышла замуж за псаломщика, затем диакона и священника, занималась домашним хозяйством, с октября 1921 — вдова. 19 февраля 1930 — арестована, 29 апреля приговорена за антисоветскую агитацию к 3 годам ссылки и 12 июня отправлена в Усть-Сысольск, в декабре переведена в Сторожевск (Кому)¹.

<19 февраля 1932>

«Москва. Кузнецкий, 24. Политпомощь заключенным.
Екатерине Павловне Пешковой.

Синцовой Елизаветы Валерьяновны

Заявление-письмо.

Апреля 2-го дня 1931 года я отправила свое заявление в Москву во ВЦИК, на имя Михаила Ивановича Калинина, о помиловании меня и досрочном освобождении. В настоящее время, с 19-го февраля мне до срока остается один год... но у меня нет никаких физических сил протянуть этот год. Я решилась обратиться к Вам, искренно уважаемая Екатерина Павловна. Июня 19-го дня т<екущего> г<ода> мне пришла открытка из Секретариата Президиума ЦИК Союза ССР, извещающая, что "мое заявление препровождено Пом<ощнику> Прокурора Верх<овного> суда по надзору за ОГПУ за № ПК 4122 от 2-го июня 1931 года, который сообщит мне результаты".

Вот уже со дня получения этой открытки прошло 8 месяцев, наступил уже 1932-й год, но ответа я никакого не получила.

Убедительно прошу Вас, прочтите до конца это мое заявление-письмо, обращающееся уже лично к Вам. Я родилась в 1867 году марта 10-го дня в городе Архангельске (Северн<ый> край). Родители мои: отец — мелкий канцелярист, мать — крестьянка из приписанных к городскому сословию. По окончании 8-ми классной Гимназии, я все свои молодые и свежие годы и силы посвятила на обучение крестьянских детей. Была сельской учительницей: обучала детей читать, писать и считать, остальные предметы преподавали другие лица. Потом вышла замуж за такого же бедняка, какой была сама, за псаломщика. Он был безо всякого образовательного ценза. За голос его определили диаконом, а потом и священником. Но так как он был без образовательного ценза, ему давали такие места, как напутствовать умирающих старух в богадельне, а затем до смерти он был смотрителем Свечного Завода, где вырабатывались церковные свечи. Никаким активистом, проповедником он не был и не умел быть. Умер он в 1921 году 8 октября. Я осталась безо всяких средств, совершенно больная. У меня — порок сердца, склероз артерий и ревматизм костяка. До своего ареста я лежала от ревматизма три месяца безо всякого движения и едва оправилась, чтобы кое-как ходить на ногах. Затем у меня часто не прощупывается пульс, и искусственное выдыхание, и камфара или digitalis еще пока заставляли (хотя уже слабо и с перебоями) биться мое больное сердце. Февраля 16-го дня 1930 года у меня был обыск (решительно не знаю, почему он был, я была лишь домашней хозяйкой, больная и старая; подозреваю какую-либо клевету); у меня нашли две фотографические карточки кафедрального собора, который разбирался и увозился с Октябрьской площади. Весь город видел

¹ «Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск, изд. 3-е, Издательство «Звенья», Москва, 2004. Составление НИПЦ «Мемориал», 2004.

это, я же была больная, не видела и вот купила 2 карточки на память, как покупают все люди, от великих и до малых, разные картины, гравюры, фотографические снимки, открытки и т<акое> п<рочее>. Купила безо всякой предвзятой мысли и не подозревала, какое горе причинят мне эти 2 карточки и как они разобьют мою жизнь в моей глубокой старости. Я посмотрела их, убрала и не дотрагивалась до них, никто не видел их у меня, клянусь Вам всем дорогим для Вас, да и, повторяю, весь город видел разрушение собора, и это было повсюду, не в одном нашем Архангельске. Я просидела в Исправдоме с 19-го февраля по 12-е июня (меня за эти 2 фотографические карточки арестовали), а затем отправили на свободную высылку в область Коми в Устьсысольск на 3 года. Я прожила в Устьсысольске полгода, и вот 7-го декабря мне объявили, чтобы я явилась 9-го числа с вещами для отправки пешком в Сторожевский район (до Сторожевска 94 версты). Пешком? Но у меня порок сердца, не позволяющий мне делать много движений (напр<имер> даже много ходить), склероз артерий и ревматизм всего костяка... Я всегда и во всем повинуюсь власти, вполне лояльна ей, но идти 100 верст я не могу... Я подавала заявление с приложением справки врача о моих хронических болезнях, но у меня даже не приняли его в "окошечко". И вот 12-го декабря 1930 года в 37 градуса мороза я должна была идти за 100 в<ерст>. Для вещей даны были 3 подводы. Отправилась большая партия: много молодых и престарелых. В полной уверенности, что меня переселяют в другое селение, я пошла... Но идти не могла... падала и подолгу лежала на снегу... Если б меня не подбирали проезжие зыряне, я замерзла бы... Добрались до сел<а> "Сторожевск", затем еще 15 верст да "Вомино", затем 10 километров до "Подельска"... Здесь я узнала, что "нас" везут в лес, в Тракторную базу, на лесозаготовки (?!). Еле живую, полузамерзшую меня везли на вещах, на крайчике саней, откуда я скатывалась на снег... Боль в костях была невыносима — от лежания на снегу — я окончательно погубила свой костяк. Привезли в какой-то старый, холодный, дымный барак. Разогревали снег для воды... Я уже ничего этого не могла делать... Приехал комендант, по-видимому, человек благоразумный, он увидел меня и еще 6 человек, что это никуда не годный хлам, а не рабочая сила для лесозаготовки и отправил нас (7 человек) обратно в Сторожевск... И вот в Сторожевске я живу с 23-го декабря 30 года, второй год, а всего с 19-го февраля 30-го года мне прошло два года со дня моего ареста. Остался один год до срока. Я — живой труп: хожу с трудом, опираясь на палку, не сплю ночи от ревматических болей в костях... Задыхаюсь от боли в сердце. Очень страдаю. Я рада бы работать для Государства и власти, но у меня нет никаких физических сил... Зыряне не выносят безработных людей, но ведь старость такое явление человеческой природы, что ее не переборешь — она неизбежна для всех.

Я ни в чем не виновата перед властью, я ее всегда признавала и признаю. Много приходилось мне читать по Истории, и я видела, что в каждом Государстве были перевороты, так как народ всюду развивается и ищет лучшего... И всюду бросаются старые устои, как устаревшие вещи.

Я пишу Вам и сию минуту могу умереть от разрыва сердца, мне это объявлено доктором. И вот в таком постоянном предчувствии смерти я не в состоянии лгать Вам, когда говорю, что я невиновна. Мне дали 58 ст<атью> 10 п<ункт> — это обвинили меня в агитации (!?). Весь город может подтвердить, что я нигде ни слова не говорила чего-либо дискредитирующего власть. Я страдаю здесь со своими болезнями и прошу мне сбавить этот год, чтобы умереть среди русских. И вот, написав Вам, Екатерина Павловна, свою "биографию" и свою "вину", я прошу Вас горячо и убедительно, будьте добры походатайствовать обо мне пред

секретариатом Президиума и пред ВЦИКом, чтобы вошли в положение полуживой и больной старухи 65 лет, чтобы сбавили мне последний оставшийся год и досрочно освободили меня. Если я даже и была виновата, то я целых два года несла наказание и много перенесла скорбного и тяжелого при моих хронических болезнях. Если находят меня все же виноватой, то возбудите ходатайство о помиловании меня, ведь мне 65 лет и я — полуживой труп. Будьте же добры, походатайствуйте за меня и посоветуйте мне, куда мне и надо ли куда подавать еще заявления.

Синцова Елизавета.

19-го февраля 1932 года.

Адрес мой: Область Коми, Сторожевск, почтово-телеграфное отделение, до востребования. Синцовой Елизавете Валерьяновне.

P. S. Прилагаю марку почтовую в 30 коп<еек>. Дни и часы буду считать, ожидая результата моей к Вам просьбы... О, дайте мне возможность уехать в мае или июне, тогда здесь будут несколько раз ходить пароходы и ехать будет теплее. Дайте мне умереть на свободе, среди русских. А я скоро умру... Пожалейте — я прошу возможного: $\frac{2}{3}$ я пробыла в наказании, остался лишь 1 год... Сбавьте мне его.

Синцова.

Приложение: Открытка Секретариата Президиума»².

В конце августа 1932 — юридический отдел Помполита отправил Е. В. Синцовой сообщение, что ее заявление о досрочном освобождении переслано в ОГПУ Северного Края (Архангельск), и что ответ можно ожидать месяца через два.

² ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 829. С. 180-182. Автограф.